

- Дни, кажется, проходят быстрее, - прохрипел Канкуро, лежа на кровати и зевая.

- Да... Как будто мы привыкли жить здесь и адаптировались, - пробормотала Темари, наслаждаясь тихой ночью, тем более, что накануне лил дождь.

- Мы сделали больше, чем обычно. Вы должны это признать, - добавил Гаара, который подвинул постель поближе к дверному проему, чтобы ему было удобно сидеть, глядя в ночь.

- Мм... Мы... Мы полностью... - пробормотал голос брата, прежде чем постепенно затих, всхрапнул, а затем задышал глубоко.

- Боже, он заснул так быстро. Это странно, - хихикнула куноичи. - Спокойной ночи, Гаара.

- Спокойной ночи, - ответил джинчурики, не отводя глаз от звезд.

Через несколько минут он обернулся и заметил, что сестра тоже уснула.

- Хм. Лицемерка, - фыркнул он, но его взгляд немного смягчился от умиротворяющего зрелища.

Он снова посмотрел в ночь.

Ночью было очень холодно.

Во второй половине дня он и его родственники вернулись на место кораблекрушения, чтобы отыскать больше предметов для облегчения своего выживания на острове. Они восстанавливали рваные шторы и простыни и занимались до конца дня шитьем.

Так что Гаара мог завернуться в одеяло, чтобы согреться. Он довольно вздохнул.

Было действительно не так уж и плохо. Если они будут заботиться о своей безопасности, здоровье, голоде и психическом состоянии, то могли бы прожить на своем острове дольше, чем в деревне. Особенно он, так как отец под пафосным предлогом несколько раз пытался убить его. За что-то, в чем он даже не виноват. Он никогда не просил делать его демоном. Монстром. Ненавидимым и презираемым.

Если бы отец дал ему выбор, он бы отказался от этой невероятной силы ради любви. Любви всей деревни. Любви брата и сестры. Любви дяди. Любви отца. Жизни матери.

«Хех, тебе все равно будет лучше со мной. Любовь не спасала твою задницу, когда папаша пытался избавиться от тебя.»

Шукаку рассмеялся, наслаждаясь каждым моментом, когда его сосуд испытывал душевную

боль.

Хотя разум Гаары был спокоен, в его сердце все еще чего-то не хватало.

«Я знаю, но если бы тебя здесь не было, этого бы никогда не случилось...» - мысленно огрызнулся джинчурики на своего демона.

Он не мог понять, почему отец сделал это с ними. Он знал, что Казекаге не ожидал, что он потеряет контроль над Шукаку. Но демон... демон был настолько силен. Он так старался, так усердно старался контролировать его, чтобы увидеть хоть какое-то одобрение, хоть какую-то гордость в глазах этого человека.

Но потерпел неудачу. Он не мог этого контролировать. И отец смотрел на него с отвращением, ненавистью, разочарованием.

Гаара сжал кулаки - ненависть, гнев и горе переполняли его.

Первая попытка убийства. Худший момент в его жизни. Его предали все. Яшамару. Отец. Деревня. В день, когда он изменился.

Когда его отец холодно смотрел на него, он просто смотрел в ответ. Он бы никогда не показал свою боль, свой несомненный ужас, зная, что Казекаге... Его отец... желает его смерти.

Казекаге мог забрать его жизнь, и Гаара это знал. Но по какой-то причине никогда не противостоял ему сам. Всегда умирал кто-то чужой, другой шиноби.

Которого убивал Гаара.

Жалкий. Трусливый. Сбивающий с толку.

Красноволосый никогда не ненавидел другого человека так сильно, как отца.

Раньше он любил его... Любил его так сильно...

Но эта любовь разбила ему сердце. Снова. И еще раз. И еще.

«Тут ты прав. Теперь мы вернулись к нулевой отметке. Разве не хочешь отомстить его плоти и крови? Они прямо за тобой, спят. Они даже ничего не почувствуют.»

Месть была бы восхитительна. Подождите, нет... Гаара покачал головой. Месть не поможет чувствовать себя лучше. И ни за что в мире он причинил бы вреда своей семье.

Глубоко вздохнув, джинчурики взглянул на брата и сестру, чтобы успокоиться.

Он постепенно учился контролировать зверя, но только недавно действительно одержал верх над демоном, исцелив свои душевные раны и став сильнее. С помощью любви своих родных.

Он нахмурился, вспомнив инцидент, произошедший через несколько дней после их прибытия на остров. Он потерял контроль, Шукаку захватил власть и чуть не убил Канкуро и Темари.

Возможно, его отец был прав. Возможно, он был неудачником. Возможно, он заслужил убийства, одиночество, ненависть.

Но он пытался. И сделает все что угодно, чтобы доказать, что он - больше не тот монстр, которого создал Казекаге. Он также хотел доказать это Суне, но теперь этого никогда не произойдет.

Он сохранит свою семью в безопасности, несмотря ни на что.

Гаара прикусил язык, когда внезапно столкнулся с психологическими муками. Он вдруг понял своего отца, хотя и совсем немного.

Что, если... он сойдет с ума и попытается убить своих родных? Эта мысль казалась ему невероятной, но он знал, что это возможно, так как это случалось раньше.

Чего бы он ожидал от Канкуро и Темари, пытающихся защитить друг друга? Они могут быть достаточно сильны, чтобы одолеть его вместе, а потом... что? Что, если он действительно лишится себя и больше не сможет излечиться? Захотели бы они... избавиться от него как от угрозы?

Он бы не стал винить их, если бы они это сделали, и хотел, чтобы они были в безопасности, но старая, эгоистичная часть его была в ужасе от этой идеи. Он не хотел умирать. Чтобы его существование было стерто и забыто. Он хотел остаться в живых. Это было единственное, что отец так и не смог у него отнять.

И что бы он сделал, если один из его родных потерял рассудок и попытался убить их? Будет ли он пытаться устранить его? Связать и держать подальше? Попытаться убить, чтобы сохранить другого родственника и себя в безопасности?

Нет... Да? Нет... Он никогда не простит себя.

Но что, если бы они убили его? Кто-то, о ком он беспокоился, убил кого-то, кто был ему небезразличен?

Гаара попытался представить эту ситуацию с Канкуро и Темари... но не смог подойти к концу. Одна только мысль об этом ужаснула его.

Если Казекаге чувствовал то же самое, когда приходилось посылать людей, чтобы убить его, то он мог немного посочувствовать этому человеку.

Однако, он знал, что Казекаге было легче принять решение, потому что тот ненавидел его, но любил деревню.

С тех пор, как он родился, он был расходным материалом для своего отца. Его жизнь никогда не имела значения. Брат и сестра были свалены на других сэнсеев, точно так же, как он был свален на Яшамару.

Бремя.

Это все, чем они когда-либо были для народа Суны.

Баки моргнул и открыл глаза.

- Ваша смена, - пробормотал Юдай, дав тому несколько секунд, чтобы сесть должным образом, прежде чем передать весла.

Рейна тоже проснулась и присоединилась к своему бывшему партнеру по гребле. Чунин, который также был в предыдущей смене, вернул куноичи карту и лег спать.

- Так темно... как ты можешь быть уверена, что мы идем в правильном направлении? - прошептал Баки, прищурив глаза.

Рейна посветила на него, потом на компас на коленях.

- Мы идем правильным путем, хватит волноваться... - проворчала она, все еще сонная.

- Я искренне надеюсь, что найду своих учеников. Но что, если они не выжили? Я не... - мужчина был прерван испепеляющим взглядом товарища по команде. - Извини... Я не должен так себя вести.

- Не должен, - коротко ответила женщина. - Но я понимаю, что вы чувствуете. И считаю, что вы должны успокоиться. Не пытаюсь обнадежить вас, потому что мы, вероятно, все будем разочарованы, но, должна сказать, если кто-то и мог выжить после кораблекрушения, то это ваши ученики. Они бы выжили, каждый из них.

- Твой брат тоже был сильным шиноби. Я знал его. Могучий. Преданный, - добавил Баки, до сих пор немного спящий.

Рейна невесело усмехнулась.

- К сожалению, это и было его ошибкой, да? Он был безрассуден и слушал каждое слово, сказанное Казекаге-сама. Я сделаю все возможное, чтобы найти его. Он был моей семьей. И, в отличие от нашего босса, семья всегда будет что-то значить для меня.

Он быстро вытер слезу, которая успела скатиться по его лицу.

- Песок в моих глазах... - пробормотал он.

Сам себе, так как был один в гостиной, сидел на диване.

Он определенно не плакал. Он был не только ниндзя, но и Казекаге. Ему нужно быть сильным и спокойным, что бы ни случилось.

Губы задрожали, и он снова хлопнул себя ладонью по рту, посмотрев вниз на фотографию жены.

Иногда это так сложно.

- Папа? Ты в порядке? Что ты делаешь? - вдруг раздался тихий голос из коридора.

Казекаге поспешно потер глаза и сделал глубокий вдох.

- Я в порядке, Канкуро. Читаю книгу. Возвращайся в постель, - твердо ответил он.

Облегченно вздохнул, когда услышал, как затихают мягкие шаги своего двухлетнего сына. Он не мог проявить слабости перед Темари или Канкуро, тем более, что их мать умерла при родах брата не менее двух недель назад.

Они все скучали по ней, но все это скрывали.

Он положил фотографию и попытался сосредоточиться на чтении. Однако, несколько секунд спустя, крошечный брюнет вернулся в гостиную с платком в руках.

- Не надо плакать, папочка... - прошептал он, неловко вытирая лицо отца.

Казекаге не мог позволить новой волне боли и печали ударить по нему. Его ребенок был таким маленьким... Почему Карура должна была умереть? Это была его вина, что он поместил демона в Гаару. Но он никогда не думал, что та умрет.

Мертва. Ушла навсегда. Его жена. Его Карура.

Мужчина поймал руку сына и осторожно отвел ее от лица. Затем поднял крошечного ребенка и поместил себе на колени. Он обхватил руками тело сына и уткнулся лицом в колючие каштановые волосы мальчика. Пустил еще несколько слез, прежде чем выпрямиться.

- Как ты себя чувствуешь, Канкуро? - спросил Казекаге.

- Я скучаю по мамочке... - пробормотал ребенок, прежде чем спонтанно расплакался и уткнул лицо в грудь отца. - ПАПА! Где мама?

Мужчина не был уверен, как реагировать. Он никогда не был хорош в проявлении любви.

Может, он мог бы попросить совета у Каруры...

Ох.

Он медленно покачал мальчика, прижимая к себе.

- Все будет хорошо... - солгал он. - Теперь возвращайся в постель.

Канкуро кивнул, икнул несколько раз, прежде чем слезть с коленей отца. Малыш взял забытый платок и вернул его родителю.

- Возьми, - сказал он тихо, шаркая обратно в свою комнату.

Казекаге вздохнул и продолжил читать книгу.

У него был такой добрый сын.

Это был еще один из его привычных сеансов шпионажа, чтобы убедиться, что его дети не обесчестили его.

Он наблюдал, как Канкуро спарринговал с одним из своих одноклассников и застонал от разочарования, когда его сына в конечном итоге ударили в лицо.

Пятилетний мальчик выплюнул полный рот крови и сердито нахмурился.

- Ты в порядке, Канкуро-сама? - спросил сэнсей, беспокоясь о благополучии сына своего начальника.

- Я в порядке. Я лучше в кукольном ниндзюцу, чем тайдзюцу. - ответил молодой брюнет, поспешно вставая и стряхивая пыль со штанов. - Но я буду тренироваться и совершенствоваться в тайдзюцу, чтобы однажды стать сильным, как мой отец!

- Конечно. А теперь, возвращайся к спаррингу, - сказал учитель, кивнув в сторону ожидающего противника Канкуро.

Казекаге разочарованно покачал головой.

Канкуро мог быть молодым гением-кукловодом, но был не так хорош в тайдзюцу, как его сестра. Говорит, что хочет быть похожим на него, когда вырастет... Казекаге чуть не закатил глаза.

Это было смешно. Нет смысла пытаться быть таким же сильным, как все: самое важное - превзойти всех. Плюс, эта глупая манера Канкуро говорить - с такой серьезностью и

идолопоклонством...

Он был слабым. Глупым. Милым.

- С этого момента ты являешься генином Суны и членом отряда Кукловодов нашей деревни. У тебя лучший результат на экзамене, - произнес сэнсей, одобрительно кивая.

Двенадцатилетний Канкуро ухмыльнулся, закрыв один глаз.

- Я ждал этого много лет! Теперь я смогу сделать что-то для деревни! Темари придется перестать затыкать о том, что она теперь ходит на миссии! А если мы отправимся на миссию вместе, я смогу защитить ее от опасности!

Сэнсей фыркнул и слегка улыбнулся.

- Я ходил на миссию с Темари-сама, и нет сомнений, что она куда менее безрассудна, чем ты. Тебе следует быть осторожнее.

Канкуро сверкнул глазами.

- Ну, прекрасно! Может, моя сестра более опытна, чем я, но и я достаточно силен, чтобы спасти ее, если придется! Я завершу любую миссию, и люди должны будут признать лучшего ниндзя Сунагакуры.

Сэнсей убрал улыбку и нахмурился.

- Помни, Канкуро-сама, что миссия всегда должна быть на первом месте, а не жизнь товарища шиноби.

Марионеточник кивнул, но неловко переступил с ноги на ногу.

- Знаю. Но если моя сестра...

- Темари-сама может о себе позаботиться. Она тоже была лучшей в своем классе.

- Да, да, я знаю. Она говорила мне об это лишь миллиард раз, - раздраженно вздохнул брюнет, выпятив фиолетовую нижнюю губу.

Только наблюдая за незрелостью, бесстрашием и инициативностью своего ребенка, Казекаге

понимает, насколько смехотворно молоды были его солдаты. И как удивительно быстро росли дети.

Так быстро.

Слишком быстро.

Он пропустил почти все.

Но у них все еще была целая жизнь впереди.

Пока он не убил их.

Казекаге резко выпрямился в кресле и судорожно вдохнул. Ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы осознать, что он снова заснул в своем кабинете.

Еще один из этих кошмаров.

Почему бы им не оставить его в покое?

Когда мужчина поднял руку, чтобы потереть лицо, то заметил кровь на пальцах, внезапную жгучую боль и следы от ногтей на столе.

Он с отвращением расширил глаза. Во сне он царапал свой стол, пока ногти не начали кровоточить. Как убого.

Вздохнув, он встал, прошел через комнату и достал аптечку. Проверил пальцы на наличие деревянных заноз и перевязал раны.

Затем решил оставить работу на следующий день и лечь спать в постель. Он больше не мог подписывать бумаги с больными пальцами и кровью на руках.

Кровью его собственных детей.

Казекаге закрыл за собой дверь в спальню, прежде чем позволить воспоминаниям о своем сне заполнить голову.

Когда-нибудь Канкуро стал бы хорошим чунином. Может быть, даже джонином.

Он был похож на него... Из него бы вышел такой привлекательный мужчина. Вероятно, нашел бы сильную, красивую жену и завел бы кучу талантливых маленьких детей.

И эти будущие маленькие шиноби выглядели бы так же, как их отец.

А может быть, даже как их дедушка.

Мужчина застонал, уронив голову на руки.

Он всегда ненавидел испытывать слишком много эмоций, особенно как Казекаге.

Но в конце концов он все же был человеком, тут уж ничего не поделаешь.

Он не мог лгать себе вечно.

Шиноби были оружием.

Но все же - людьми.

У них у всех есть чувства.

Шанс на будущее.

Все они жили.

Многие погибли.

Многие были убиты.

Это было к лучшему.

Чтобы сохранить деревню в безопасности.

Это было необходимо.

Это должно было быть сделано.

Он не должен думать об этом.

Но его дети...

Его дети...

Незаменимы. Конечно, они были его собственной плотью и кровью. Созданные от любви между его покойной женой и им самим.

И поэтому, он хотел заполучить могучего джинчурики Шукаку, чтобы его деревня вышла из нищеты и их снова опасались.

Мужчина лег на кровать. Такова была жизнь. У него не было выбора и сожалений. Он исполнил свой долг, но совесть мучила его.

Он закрыл глаза, зная, что кошмары вернутся. Ему было все равно, он собирался справиться с этим. Хотелось надеяться, что он устоит против возможного безумия. Это может тянуться медленно... Во время каждой ночи.

Осталась только вся его жизнь.

- Ребята, мне приснился странный сон... – Темари свирепо взглянула, когда оба парня громко застонали. - Нет... Нет... Слушайте, он был хорошим! Это был день рождения нашего отца, и была грандиозная, сумасшедшая вечеринка... Гирлянды, диско-шары, фиолетовые огни, стриптизерши и прочее дерьмо. В середине сцены был гигантский светящийся в темноте розовый торт. Отец пошел резать торт, и тот взорвался ему в лицо!.. Хах. Затем... Ладно, эта часть - самая странная... Баки-сэнсей вылез из торта. И дал пощечину нашему отцу.

Канкуро и Гаара с беспокойством смотрели на сестру.

- Хм... Баки-сэнсей не был... голым, не так ли? - спросил марионеточник, опасаясь худшего.

Темари вздрогнула.

- Нет, слава богу, я не настолько странная. Хотя, у него были кошачьи глаза.

- Ты имеешь в виду - кошачьи уши? - нахмурился рыжеволосый, пытаясь воздержаться от закрывания лица рукой.

- Нет, глаза кошки. Желтые щелевидные глаза. Это было жутко. Он сказал папе: «Я твой худший кошмар!», а затем дал нам пять. О, да, мы по какой-то причине были на вечеринке.

Гаара с ужасом посмотрел на свой завтрак.

- Ты отравила это? - спросил он прохладно, с подозрением прищутив глаза. Он действительно слегка испугался.

- Нет! Мне часто снятся странные сны... Они становятся хуже перед моими... - куноичи внезапно уронила голову на руки. – Не-е-ет! Я совсем об этом забыла!

Ее братья в замешательстве переглянулись.

- Что? - спросили они одновременно, не уверенные, стоит паниковать или нет.

Сестра в ужасе посмотрела на парней, затем потянула себя за короткие светлые волосы.

- Убейте меня... - проворчала она. - И я застряла тут с двумя мальчиками...

Канкуро и Гаара снова посмотрели друг на друга и молча решили не задавать никаких вопросов. Это, должно быть, девчачьи штучки, в которые они не хотели ввязываться. Разве что, просто эмоционально поддержать.

- Что бы ни случилось, я уверен, что все будет в порядке, - попробовал красноголовый.

- Мы здесь ради тебя, сестренка, - добавил кукловод.

Темари свирепо зыркнула, сбив с толку братьев, не понимающих почему она так быстро сменила настроение.

- Спасибо, но даже не пытайтесь, - она была невозмутима.

Внезапно Гаара вскочил на ноги, широко раскрыв глаза.

Канкуро и Темари вздрогнули.

- Гаара? Что случилось? - спросила куноичи, поднимаясь.

Она надеялась, что это не связано с Шукаку.

Рыжеволосый жестом попросил своих родных следовать за ним, и направился прочь с поляны.

- Я чувствую приближение людей. По морю. Их пятеро.

Тут же трио бросилось бежать по деревьям, направляя чакру в ноги. Это было волнующее чувство, которое они почти забыли. Они привыкли не торопясь прогуливаться повсюду, потому что думали, что проведут остаток своих дней на этом острове.

Но теперь все могло измениться.

Прямо перед выходом к пляжу Гаара остановился.

- Мы не должны сразу раскрывать себя, на случай если они захотят принести проблем, - сказал он.

- Правильно... - ответил Канкуро, когда они спрятались за деревьями, не сводя глаз с океана.

Несомненно, приближалась лодка. Она была достаточно близко, чтобы у Гаары была возможность почувствовать количество пассажиров, но слишком далеко для трех шиноби, чтобы идентифицировать их.

Через пятнадцать долгих минут лодка почти пристала к берегу, и джинчурики испустил короткий, резкий выдох.

- Лодка из Сунагакуре. Один из них - Баки-сэнсей, - прошипел он, его пальцы впились в кору дерева, к которому он прижался.

Его брат с сестрой ахнули от шока.

- Баки-сэнсей? Что он здесь делает? - прошептала Темари, пожевывая нижнюю губу.

Она не знала, как себя чувствовать, поэтому выбрала «спокойствие», сделав лицо непроницаемым до тех пор, пока не сможет это понять. Так же, как когда-то она делала в Суне.

Наступила минута молчания, пока Канкуро не нарушил ее.

- Вы думаете, что... Деревня послала людей на поиски затонувшего корабля? Может быть, Баки-сэнсей присоединился... - он замолчал.

- ... чтобы найти нас? - предложил Гаара, хотя эти слова для него звучали нелепо.

Кто захочет их найти? Особенно его, Сабаку но Гаару - демона, убийцу, отродье...

Все воспоминания вернулись. Мальчик почти похоронил себя под списком того, кем люди называли его, и задохнулся бы под этим весом, если бы Темари не положила руку ему на плечо.

- Возможно... Но мы все равно должны быть осторожны. Ты не знаешь точно.

Они скрыли свою чакру и стали наблюдать, как весельная лодка врезалась в песок, как пять шиноби выпрыгнули из нее и вытащили ее из океана.

Затем новоприбывшие пошли по пляжу, неосознанно приближаясь к трем скрывшимся подросткам.

- Это то самое место, Рейна? - спросил Юдай, высматривая признаки жизни.

- Да. Вот и всё, - ответила женщина, складывая карту и убирая ее. - Выжившие должны быть здесь.

Канкуро нахмурился.

- Значит, они ищут людей, которые были на корабле... - пробормотал он, на его лице

нарисовалась фальшивая усмешка. - Блин, они не обрадуются, когда узнают, что мы - единственные, кто выжил. То, что мы пропали, является, вероятно, единственным утешением, которое они, в первую очередь, получили от этого проклятого кораблекрушения.

- Может быть... мы не должны их разочаровывать. Если они не хотят нас найти, мы могли бы просто избегать их, пока они не уйдут. Тогда все вернется на круги своя, - предложил Гаара.

Оба его родственника поколебались, но потом кивнули. В независимости от того, как сильно они жаждали увидеть цивилизацию снова, ничто не стоило этих отвратительных взглядов, оскорблений, когда люди думали, что они не слышат или не воспринимают тот факт, что абсолютно никто не хочет быть с ними.

Наличие этих мыслей в их головах сделало то, что произошло дальше, еще более поразительным для них.

- Мои ученики... Я их знаю. Думаю, если бы они были здесь, Канкуро, Темари и Гаара уже давно прознали бы, что мы прибыли. И сейчас следили бы за нами. Они не проявят себя, потому что подозрительны, особенно Гаара. Это... если они вообще здесь есть, - сообщил Баки, его лицо помрачнело на секунду, прежде чем он взял себя в руки.

Братья и сестра были удивлены, когда поняли, насколько хорошо их знал сэнсей.

Баки всегда заботился о них.

Баки был здесь ради них.

Кто-то хотел, чтобы они были живы.

Они были важны.

Их любили.

Гаара почувствовал, как счастье наполняет сердце. Его тоже упомянули. Это было впервые в его жизни, когда взрослый человек признался, что беспокоится о нем. Ну, за исключением Яшамару, но то все было грязной ложью.

У трио заняло довольно много времени, чтобы переварить это, поэтому они решили импровизировать, что было нецелесообразно для любого шиноби, но они знали, что иногда принятие быстрых, сумасшедших решений может быть отличной вещью. Например, когда Канкуро решил спасти Гаару с тонущего корабля. Или, когда Канкуро и Темари сражались с Шукаку. Когда Темари остановила Канкуро от удушения Гаары, как только тот вспомнил часть своего прошлого.

Они обменялись взглядами и, после кивка Темари, вышли на пляж.

- Похоже, вы все еще, много помните о том, как мы работаем, сэнсей. - ухмыльнулся Канкуро, закрыв один глаз. Они вернулись в режим шиноби. - А то мы уже подумали, что вы совсем

забыли о нас.

Мужчина резко обернулся и подумал, что у него галлюцинации, когда увидел трех своих учеников, стоящих там, живых.

Они выглядели такими непохожими на себя, повзрослевшими, потрепанными, грязными, израненными, обожженными солнцем, в лохотной одежде, с грубо отрезанными волосами и суровым, но истощенным взглядом. Хуже всего выглядел Канкуро, с рукой на перевязи и повязками на лбу и теле. Затем - Темари с темными шрамами на руке и верхней части лица. Ну, исключением был Гаара, который, если бы не носил разорванную одежду, выглядел как безупречно чистый ребенок, как обычно. Но что-то в его глазах, то, как он смотрел на него, было другим.

Это были они.

Прямо там.

Смотрели на него.

Живые.

Все вместе.

Его ученики.

- К-Канкуро... - потерял дар речи Баки, делая шаг к ним. - Темари... Г-Гаара... Это вы... Вы живы...

Трое подростков наблюдали за реакцией каждого. Четверо других пассажиров с маленькой лодки не выглядели недовольными, когда увидели трех самых страшных молодых людей в Суне. Просто немного испугались, увидев Гаару. Однако, единственная женщина в группе улыбалась.

Баки протянул руку и неуверенно потрогал кукловода за плечо, ощупывая кожу под пальцами.

- Мы настоящие, - глухо сказал Гаара.

Наступила тишина, когда люди слышали голос красноволосого. Это было так хорошо знакомо им, и обычно это ассоциировалось с ужасом и кошмаром.

Почувствовав напряженное настроение, Гаара мысленно вздрогнул. Страх. Ненависть. Это было одно и то же.

Темари прочитала это во взгляде младшего брата и притянула его к себе, прежде чем повернуться к прибывшим.

- Я приветствую всех вас на нашем замечательном курортном острове, - она язвительно фыркнула. - Эй, Баки-сэнсей, давно не виделись!

Ее взгляд потерял агрессивность, когда учитель повернулся, чтобы взглянуть на нее широкими блестящими глазами. Она положила руку ему на плечо.

- Баки-сэнсей, мы так счастливы видеть тебя... - сказала она, мягко улыбаясь.

- Ты... вы все выглядите так по-другому... - ответил он, стараясь не заплакать.

Братья и сестра обменялись понимающими взглядами.

- Мы чувствуем себя иначе. Мы застряли здесь на довольно долгое время, и, ну, кое-что произошло. Это долгая история, - усмехнулся Канкуро. - Может, поделимся ею в другой раз.

Баки не знал, было ли уместно схватить своих учеников в объятия, но решил не делать этого, принимая во внимание их состояние.

Джонин повернулся к Гааре.

- Рад тебя видеть, Гаара. Как ты себя чувствуешь? - спросил он, выглядев искренне озабоченным благополучием рыжего.

Джинчурики подтянул челюсть, ошеломленный тем, как удивительно чувствовать, что кто-то, кого считал ненавидящим его, действительно о нем беспокоился.

Он открыл рот, чтобы ответить.

- ...

Взволнованный. Счастливый. Смущенный. Расстроенный. Чувствующий облегчение. Любимый.

- ... Лучше.

Он скрестил руки на груди и заставил себя встретить взгляд Баки. Мужчина опешил, не ожидая отсутствия кровожадности, ненависти и неповиновения в глазах ученика. Тот выглядел таким чистым, невинным и юным. Это заставило его улыбнуться.

- Ты и выглядишь... лучше, - признался он, внезапно почувствовав желание взъерошить волосы мальчика со словами: «Я рад видеть тебя, парень. Я скучал по тебе».

Но не сделал этого, потому что Гаара не был его ребенком и потому, что не был уверен, удастся ли избежать песчаного гроба, если он проделает это.

- Итак... Вы, ребята, знаете, почему мы оказались на этом острове? Вы пришли, чтобы найти затонувший корабль? - спросил Канкуро, и его голос разрезал радостную атмосферу, как отравленный кунай.

Баки нахмурился.

- История о том, почему вы оказались здесь... не очень хорошая. Я объясню вам это позже. И да, мы ищем место крушения, - он повернулся к своим попутчикам. - Ах, ну, вы, наверное, знаете их, но позвольте вас познакомить...

Он указал на женщину с длинными каштановыми волосами, а затем на мужчину, очень похожего на нее.

- Это Рейна-сан и ее брат Юдай-сан.

Затем кивнул в сторону самого молодого члена своей команды. Его короткие черные волосы и темные глаза, наполненные невинностью, напомнили Гааре о ком-то...

- Это Ацуши-сан.

Наконец, Баки показал на джонина с обрезанными светлыми волосами.

- Тошио-сан. Члены их семей были на корабле.

Никто из них не осмелился спросить эту печально известную троицу о своей семье. Затем, вспомнив все истории, которые Баки рассказал о своих учениках, об их человечности, и увидев их прямо сейчас перед собой, выглядящими жесткими, но не такими страшными, как она ожидала, Рейна шагнула вперед.

- Наш брат... что с нашим братом? - попыталась Рейна. - Он был... человеком в маске. Высокий.

Канкуро и Гаара переглянулись. Эта женщина была родственницей парня, которого Гаара убил на корабле. Рыжеволосый не был особо уверен, как это объяснить.

- Он умер. Я... убил его, - признал Гаара, решив, что семья мужчины заслуживает того, чтобы знать правду.

Глаза Рейны расширились от ужаса, а Юдай сделал шаг вперед.

- ЧТО? Ты... Я так и знал! Знал, что это твоя вина! - он сплюнул, пытаясь сдержать свою ярость.

Темари и Канкуро в защитном жесте встали перед своим братом.

- Это не так. Твой брат пытался убить маленькую девочку. Гаара спас ей жизнь, - марионеточник наполовину солгал, зная, что в то время Гаара не собирался помогать этому ребенку.

- Как выглядела эта девочка? - прервал Ацуши. - Сколько ей было лет?

Рыжеволосый долго смотрел на мужчину и понял, где видел эти черты раньше.

- Она была похожа на тебя. Около шести лет. Сестра? - попробовал Гаара.

Чунин кивнул, в его глазах застыл вопрос. Она?..

- Она не пережила кораблекрушение.

Его лицо осунулось. Он наклонил голову вперед, чтобы челка закрыла глаза, и издал тихий хрип.

Затем обменялся неловким взглядом с Юдаем и Рейной, зная, что его сестра отчасти стала причиной смерти их брата. На самом деле говорить было нечего. Было слишком поздно.

- Моя... Моя жена? Она...

Тошиа оборвал грубый голос Гаары.

- Мы единственные, кто выжил.

Наступила долгая тишина, когда новоприбывшие осознали реальность.

Все.

Мертвы.

За исключением трех детей Казекаге.

От которых тот пытался избавиться в первую очередь.

Это было так иронично, что даже не смешно.

Глядя на грустное, разочарованное лицо старшего юноши, сердитое лицо Юдая, на убитый горем взгляд его сестры и мучительно болезненное выражение лица Тошиа, джинчурики вдруг понял, что они чувствовали.

Семья, близкие... были незаменимы. Он взглянул на своих брата и сестру, представляя, каково это - потерять их.

Невыносимо.

Раньше он отнимал много жизней. И теперь понял, что мог разрушить чью-то семью. Он убил брата двух джонинов, стоящих перед ним и позволил сестре чунина умереть.

Он посмотрел в глаза четверем шиноби, а затем произнес слова, которые от него никто не ожидал.

- Простите меня.

<http://tl.rulate.ru/book/58666/1503143>